

Р. В. Кинжалов

ДЕНЬ В ДРЕВНЕМ ГОРОДЕ МАЙЯ

Культура древних майя, достигшая расцвета во II—VIII вв. н. э., привлекает внимание не только ученых, но и широкого круга людей других специальностей, интересующихся развитием древних цивилизаций. Большие города с монументальными зданиями среди тропических лесов, великолепные скульптуры, яркие фрески, замечательное художественное ремесло, сложная система письменности, развитая математика, врачевание — вот характерные черты древнемайяской культуры. За последние годы, благодаря многочисленным археологическим раскопкам, дешифровке иероглифического письма и новым научным исследованиям, наши представления о жизни майя в этот период значительно изменились и расширились. Попробуем мысленно перенестись в крупнейший город майя — Тикаль, чтобы представить себе повседневную жизнь его обитателей в конце VIII в. н. э.

* * *

Раннее утро, рассвет едва брезжит. Воспользуемся тем, что большинство жителей города еще спит, и осмотрим его центральную часть. Тикаль — огромный город. На много километров во всех направлениях от главного центра тянутся храмы, дворцы, площади, дома и сады, расположенные в живописной долине Холмуль. Вся площадь, занятая замечательными постройками, вместе с пригородами превышает пятьдесят квадратных километров.

При приближении к центру внимание сразу приковывают пять высоких ступенчатых пирамид на вершинах которых стоят святилища. Ко входу каждого из них ведет величественная лестница, лежащая на одной из сторон пирамиды.

Подойдем к самой высокой; тело ее членится на девять мощных уступов. Археологи условно назвали эту пирамиду «храмом IV», так как древнее название неизвестно. Этот храм — самое высокое сооружение, когда-либо воздвигнутое майя. Чтобы рассмотреть как следует все украшения на фризе, нам придется довольно далеко отойти от здания: ведь его высота — 71 м. Чтобы лучше представить себе эту высоту, посмотрите на современный высотный дом в двадцать два этажа.

Рискнем подняться по бесконечным крутым ступеням его лестницы. С каждым шагом все больше и больше захватывает дух: лестница очень крута, ступени узки, а перил или чего-нибудь другого, за что хотелось бы ухватиться, нет и в помине; невольно мелькает мысль: как бы не оступиться. Но зато как хорош раскрывающийся все шире и шире вид

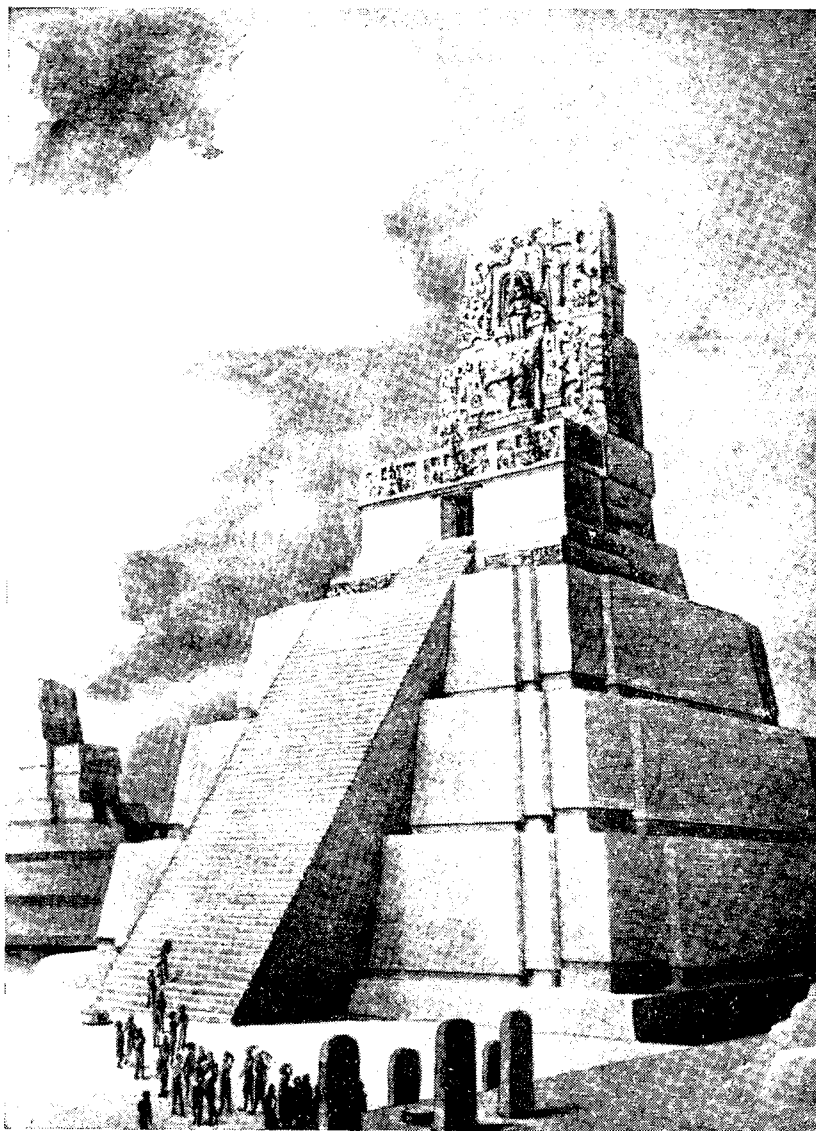

Рис. 1. Храм II (Реконструкция Т. Проскуряковой)

на город и окружающие его леса. Первые лучи солнца уже золотят вершины храмов и ближние отроги соседних гор, но дома внизу еще покрыты утренними тенями.

Мы уже достигли восьмого уступа. Здесь кончается большая лестница. На девятый уступ, к двери расположенного на нем святилища, ведет другая лестница, еще более узкая и крутая. Передохнем минутку на площадке, обегая пирамиду со всех четырех сторон, и взглянем еще раз на лежащий под нами город.

Отсюда ясно видно, что центр Тикаля, занимающий около шестнадцати квадратных километров, разделяется на несколько групп зданий. Самая главная из них построена на искусственно выравненном куске

земли, вроде мыса, образуемого двумя ущельями: северным и южным. Они были перекрыты дамбами так, что образовались искусственные озера. Все группы связаны между собой прекрасными мощными дорогами, иногда пересекающимися на искусственных насыпях ущелья и водохранилища.

Отдохнув немного на площадке, мы поднимаемся на последний уступ и останавливаемся перед дверьми святилища. Стены его покрыты толстым слоем белой известковой штукатурки без всяких рельефов, только на карнизе фасада помещены три лепные колоссальные маски, изображающие головы божеств, каждая величиной не менее человеческого роста. А на плоской крыше храма возвышается еще одно сооружение: большая толстая, слегка суживающаяся кверху стена, богато украшенная лепными изображениями. Здесь и маски божеств, и различные виды сложного и прихотливого орнамента. Такие стены древние майя часто воздвигали на крышах своих зданий, чтобы они казались выше и красивее.

Войдем в храм. Сначала мы ничего не увидим. Наши глаза, ослепленные лучами утреннего солнца, игравшими на белых стенах, не могут ничего различить в царящей здесь темноте. Свет сюда проникает только через дверь.

Через несколько секунд, когда наши глаза освоились с таинственным полумраком, мы начинаем осматривать внутренность храма. Он невелик и состоит из трех узких комнат, расположенных одна за другой. В самой дальней от входа светится огонек и слышится какое-то бормотание. Несождажно наше внимание привлекают массивные притолоки. Каждая из них, сделанная из саподилового дерева, покрыта великолепной тончайшей резьбой. Пристально взглядываясь, мы начинаем различать изображения: вот правитель города-государства (*халач-виник*, на языке майя), стоящий на площадке пирамиды; над ним прихотливыми извилами расположен двухголовый дракон — обычный символ неба у майя. Вот другая притолока с изображением какой-то торжественной церемонии и с большой иероглифической надписью.

Древние архитекторы не случайно выбирали для изготовления таких притолок саподилью. Это дерево очень прочно, оно долго не поддается ни гниению, ни вредителям-насекомым. Благодаря этому притолоки тикальских храмов сохранились до нашего времени и находятся теперь в различных музеях.

Остановимся в дверях последней комнаты. Напротив входа, на возвышении, у стены, стоит деревянная статуя бога в человеческий рост. На божестве, держащем в руках длинный жезл, украшенный сверху пучком сине-зеленых перьев кецаля, надето пышное одеяние, расшитое причудливыми узорами, головной убор, также из перьев кецаля и множество ожерелий из нефритовых бус самой разнообразной формы.

Перед статуей на небольшом каменном алтаре находится глиняный сосуд в виде головы ягуара, наполненный раскаленными угольями. Это — курильница. Стоящий на коленях жрец бормочет утреннюю молитву и время от времени кидает на раскаленные уголья небольшой черный шарик. Из курильницы сразу же поднимается густой черный, тяжело распыляющийся по комнате дым с острым и приятным смолистым запахом. Это «пом» — так называется на языке майя копаловая смола, считавшаяся у древних майя священной и всегда употреблявшаяся при религиозных церемониях.

Вот жрец, окончив молитву, берет в руки большой кусок толстой жесткой веревки и ожесточенно трет ею свой высунутый язык. Глаза его

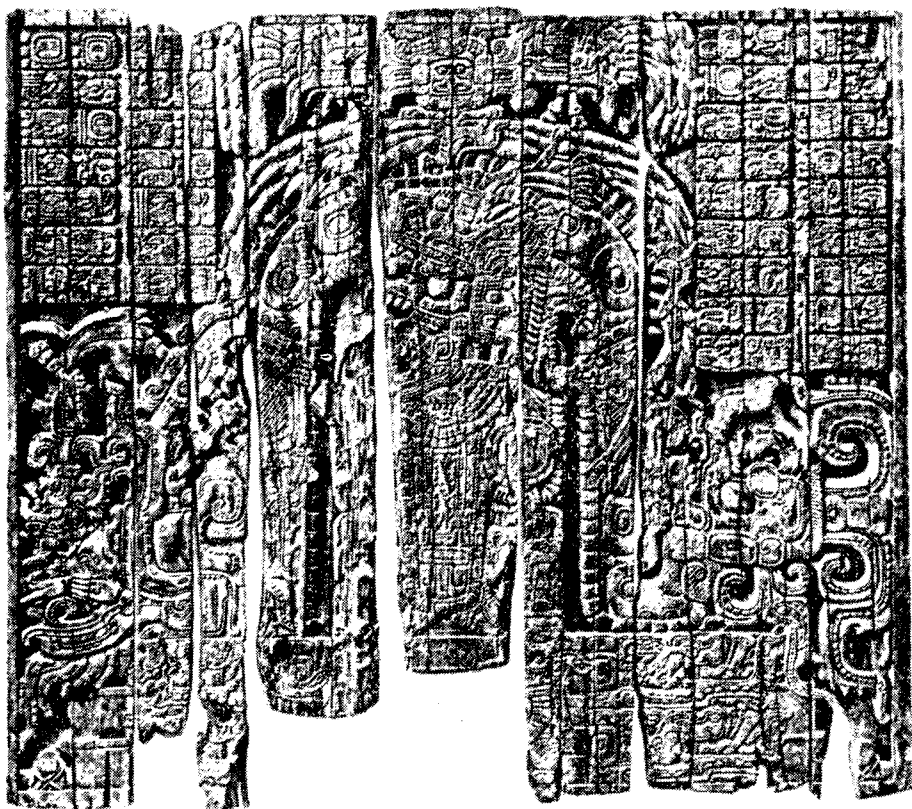

Рис. 2. Рельеф на деревянной притолоке храма IV

устремлены на бога. Проходит минута, другая... растертый язык начинает кровоточить, и в подставленный внизу сосуд начинают все чаще и чаще падать одна за другой крупные капли крови.

Что произошло с жрецом? Не сошел ли он с ума? — спросим мы. Нет, перед нами не сумасшедший; жрец совершает религиозный обряд: он приносит богу кровавую жертву. Набрав крови в сосуд, он вымажет потом ею ноги статуи. Не беда, что день или два придется обходиться без пищи, пока подживет истерзанный язык,— размышляет жрец,— зато бог получит кровавую жертву. Младший брат жреца в числе других воинов отправился уже давно в военный поход против соседнего города, и жрец молится о его благополучном возвращении с богатой добычей.

Подобные обряды часто совершались у майя. Острыми шипами агавы протыкали язык, мочку уха и другие части тела, кровь собиралась в сосуды или на бумажные полоски. На рельефах можно часто увидеть подобные жертвоприношения.

Но, пожалуй, пора покидать храм: солнце стоит уже высоко над горизонтом, а нам следует побывать еще во многих местах. Спускаться вниз по крутой лестнице еще менее приятно, чем подниматься, и недаром поэт К. Д. Бальмонт, поднявшийся по такой лестнице на майяскую пирамиду, спокойно спуститься по ней уже не смог.

«Я испытал мучительнейшие ощущения, когда мне пришлось спускаться вниз по этой широкой, но крутой лестнице без перил, — пишет он. — Едва я сделал несколько шагов вниз, как почувствовал, что смертельно бледнею, и что между мною и тем миром внизу как будто нет нити. Как только я увидел, что пришел в волнение, мое волнение немедленно удесятерилось, и сердце стало биться до боли. Это не был страх, это было что-то паническое. Я совершенно ясно видел, как я падаю вниз, с переломанными руками и ногами. Увы, мне пришлось спускаться спиной к подножию и лицом к лестнице, как я поднимался, опираясь обеими ладонями о верхние ступени, осторожно ощупывая ногой нижние ступени, прежде чем сделать шаг. Напоминаю, что ширина каждой ступени была менее четверти; в случае неверного шага, руками нельзя было бы уцепиться, и падение было бы неизбежно». (К. Д. Бальмонт, *Змеиные цветы*, СПб, 1910, стр. 27).

Но мы, конечно, не прибежем к такому способу и спустимся спокойно и осторожно, глядя прямо перед собой.

Куда же направиться теперь? Заглянем, прежде всего, в группу из нескольких небольших построек, расположенных рядом с пирамидой. Они также принадлежат к храмовому комплексу, и поэтому и здесь мы увидим жрецов. В одном из зданий мы застаем жреца, окруженного группой учеников. Это сыновья знатных лиц и жрецов, мы не увидим здесь мальчиков из семей простых земледельцев. Наставник обучает их грамоте. Он медленно рисует кисточкой с синей краской один иероглиф за другим и объясняет их значение. Ученики списывают знаки и внимательно слушают: ведь учитель может каждую минуту спросить любого из них, и горе тому, кто ошибется при ответе!

В следующем здании трудится старый жрец, занятый приготовлением какого-то таинственного снадобья. Он усердно растирает ароматические травы на маленьком продолговатом каменном столике с четырьмя ножками. Обычно на таких столиках — они называются на языке майя *каа* — женщины растирают кукурузные зерна. Этот жрец пользуется у жителей Тикаля славой замечательного врача, и недаром: многие годы он провел в собирании и изучении лекарственных растений. И сейчас вокруг него расставлены десятки сосудов, в которых хранятся самые различные снадобья: здесь и какаоовые бобы, и ваниль, и перец, и мед, и тыквенные семечки. На веревках развешаны засушенные травы и ветви деревьев и кустарников. Некоторые лекарства кажутся нам совсем непонятными и причудливыми. Вот, например, кусочек разбитого молнией дерева, экскременты игуаны, осиные гнезда, пережженные перья красного попугая. Последнее считается особенно сильным средством при кровавой рвоте...

Выйдем из этого дома, насквозь пропитанного запахом лекарственных трав, и направимся дальше. Но не успели мы сделать и нескольких шагов по улице, как наш слух поражают резкие хрипящие звуки деревянных труб, свистулек, изготовленных из больших морских раковин и глины, и глухие удары барабанов.

Перед нами появляется большой воинский отряд. Это воины Тикаля возвращаются после победоносного сражения с войсками соседнего города-государства Йашчилана. Впереди на носилках несут *накона* — верховного военного вождя, окруженного музыкантами и подчиненными ему начальниками. Бесстрастное лицо его выражает только спокойствие и важность, но в глубине души он доволен и горд одержанной победой. Ведь не только разбито вражеское войско, захвачена богатая добыча и пленные, но и сам предводитель войск Йашчилана побежден в поединке *наконом* и взят им в плен... На ярком полуденном солнце

переливаются перья кецаля и других птиц, которыми расшита мантия, наброшенная на плечи победителя; на руках и на груди накона поблескивают драгоценные украшения из нефрита.

За носилками стройными рядами идут воины, одетые в пухлые ватные панцири, в которых жарко и трудно; из-под деревянных шлемов, украшенных птичьими перьями и раковинами, на темные от загара лица воинов непрерывно катятся капли пота.

В руках у воинов оружие: тяжелые деревянные мечи, с обеих сторон усаженные плотно вделанными обсидиановыми лезвиями, с острыми, как бритва, краями, дротики, копья. Некоторые воины несут пращи. Вот среди рядов мелькнуло как будто бы знакомое нам лицо. Ну, конечно, это Ах-Кукум, брат того жреца, которого мы видели молящимся в храме на пирамиде. Братья очень похожи друг на друга, поэтому мы сразу узнали младшего.

Долго идут, один за другим, ряды — много воинов может выставить Тикаль. А ведь в военных действиях участвовали и отряды других, подчиненных халач-винику Тикаля городов. Но после победы након отпустил их по своим селениям, к своим семьям и хозяйственным делам.

За отрядом, в сопровождении нескольких воинов, едва движутся пленные, несущие награбленную в побежденных селениях добычу. Здесь и мешки с зерном и какаоовыми бобами, сосуды с медом и опьяняющим напитком балче, связки тканей, оружие и различные изделия искусных мастеров, которыми всегда славились поселения в долине реки Усумасинты. Окруженный особой стражей, идет, еле передвигая ноги, након Иашчилана, — он был тяжело ранен в бою.

Многое из захваченной добычи попадет в кладовые халач-виника, накона, верховного жреца и других знатных лиц Тикаля; большое количество пленных навсегда станет их рабами. Но часть добычи будет распределена среди воинов, согласно воинским заслугам каждого.

Наш знакомый Ах-Кукум уже предвкушает, какой восторг он вызовет в семье, когда принесет домой свою долю добычи. Он очень отличился в последнем сражении, и сам након похвалил его перед товарищами. Кроме того, он захватил во время боя в плен вражеского воина, и по существующим правилам этот пленный станет его рабом.

Отряд воинов направляется к дворцу халач-виника. Определим его и посмотрим, что делается там, пока посланный вперед быстроногий воин не предупредил повелителя Тикаля о приближении победоносного отряда.

Властелин занят с правителем — *батаб* (на языке майя) — соседнего поселения Иашха. Батао привез предназначенную халач-винику подать. Пока писцы и слуги пересчитывают и записывают привезенные из Иашха продукты и вещи, халач-виник беседует с батабом о том, что же теперь будет делать после поражения правитель Иашчилана. Рядом в почтительном молчании стоят придворные.

Но вот прибежавший воин сообщил одному из придворных о приближении отряда, а тот, выждав удобный момент, шепнул об этом повелителю. Халач-виник выходит наружу и останавливается посередине верхней площадки лестницы. Стоящие сзади него слуги заботливо защищают пестрыми зонтиками его голову от знойных лучей солнца.

У подножья лестницы након вылезает из носилок и медленными шагами поднимается по ступеням навстречу своему повелителю. После взаимных приветствий халач-виник и военачальник проходят в зал совещаний, где након отдает владыке Тикаля краткий предварительный

отчет. Через два или три дня полководец будет подробно описывать все происшедшее уже перед большим собранием всех руководящих лиц Тикаля и подчиненных ему поселений. А затем последует праздничная церемония, во время которой самые знатные из побежденных будут принесены в жертву.

Обрадованный богатой добычей, халач-виник благодарит накона и воинов и, посоветовавшись с подошедшим к нему верховным жрецом, назначает на сегодняшний вечер торжественные танцы в честь одержанной победы. Након отпускает воинов, и они со смехом и радостными возгласами устремляются по своим домам. Среди них и довольный Ах-Кукум. Пока халач-виник беседовал с военным вождем, молодой воин уже успел договориться с одним из придворных, что тот купит захваченного им раба. Предложенная цена — сто пятьдесят какаовых бобов — вполне устраивает Ах-Кукума.

Прежде чем мы покинем дворец халач-виника, заглянем на минутку в небольшое круглое здание, стоящее в углу дворцового двора. В центре его находится большой каменный очаг, который окружают три невысоких скамьи, идущие полукругами. Больше внутри ничего нет. Это паровая баня халач-виника, что-то вроде наших старых русских каменок. На раскаленные камни очага выливается вода, и халач-виник, сидящий на скамье, с удовольствием парится. Воду в баню, как и в другие помещения дворца, таскают в больших глиняных горшках рабы.

Часы нашей прогулки протекают незаметно. Покинем центр города и поспешим на его окраины: после дворца мы должны заглянуть и в хижины простых земледельцев-общинников — рядовых жителей Тикаля.

Вот перед нами одна из таких хижин. Здесь нет ни величественных лестниц у входа, ни массивных оштукатуренных стен с лепными украшениями и росписями. В простом глинобитном полу плотно укреплены четыре деревянных столба по углам хижины. Соединяющие их несколько жердей переплетены древесными ветками и тростником. На этот переплет, как на основу, наложен слой глиняной обмазки. Высокая двускатная крыша настлана из крупных стеблей тростника и кукурузы. В середине передней, фасадной, выходящей на улицу стены прорезана дверь. Внутри хижина делится на две половины стеной, идущей параллельно фасаду и также имеющей дверь посередине.

Заглянем в хижину. Внутреннее ее убранство так же просто и бедно, как и внешний вид. Очаг, две или три деревянных скамьи, маленький, круглый низкий столик, да различная хозяйственная утварь, — вот и вся обстановка дома. Во второй, задней половине хижины — спальня висят гамаки, заменяющие ночью постели членам семьи.

У пылающего очага суетится хозяйка дома, занятая приготовлением пищи. Она берет прокипяченные и остуженные зерна кукурузы (предварительно они пролежали около суток в известковом растворе) и мелет их на каменной зернотерке, состоящей из большого плоского камня и терки из пористого туфа. В более богатых домах в качестве зернотерки употребляется каа, которое мы видели у жреца, приготовлявшего лекарства. Смолотые зерна образуют липкую тестообразную массу, из которой хозяйка сразу же делает большие тонкие лепешки, похожие по форме на наши блины. Эти лепешки (по-майяски — *уах*) она затем поджаривает на глиняной сковородке, стоящей на очаге. Готовые она складывает в половинку высушенной тыквы, служащую ей чашкой. Здесь же, на углях, стоит кипящий горшок с черными бобами. Вот и весь обед простого жителя — труженика Тикаля.

Не будем мешать хозяйке: время обеда уже недалеко, а ей надо напечь еще много лепешек. Заглянем лучше в другую хижину напротив, откуда раздаются громкие голоса.

Здесь мы оказываемся свидетелями церемонии, называемой на языке майя *хецмек*. Это своеобразное знакомство новорожденного с теми обязанностями, которые ему (или ей) придется выполнять в жизни. Три месяца назад у хозяев дома родился первый ребенок — девочка. Молодая мать, желая, чтобы ее дочка выросла красивой, с помощью других женщин несколько дней привязывала две плоские дощечки к лбу и затылку новорожденной. Благодаря этому лоб ребенка приобретает вид плоской, отступающей вверху назад поверхности, что считается очень красивым. С подобной же целью к волосам девочки на уровне глаз подвешен маленький шарик из каучука. Глаза ребенка будут следить за прыгающим при ее движениях шариком, и девочка вырастет косоглазой. А косоглазие — тоже одно из необходимейших у древних майя признаков красоты.

Сияющий радостью молодой отец передает ребенка пожилому индейцу — приемному отцу. Взяв девочку на руки, приемный отец медленно обходит с ней вокруг стола, на котором лежат девять предметов: веретено, нитки, иголка, сковородка для приготовления кукурузных лепешек и другие вещи, необходимые каждой хозяйке дома. Взяв веретено, старик вкладывает его в ручку малыша и говорит: «Вот веретено которым ты будешь прясть пряжу». Затем, положив веретено, приемный отец снова обходит стол, на этот раз с тяжелой сковородкой, произнося: «Вот это сковородка, на которой ты будешь печь лепешки». Таким образом, они совершают девять кругов около стола.

После этого с девочкой идет приемная мать, совершающая тоже девять кругов, и повторяет те же слова. После каждого круга она съедает тыквенное семечко. Закончив обходы, приемная мать передает девочку приемному отцу, а тот вручает ребенка отцу.

Церемония окончена. Родители очень довольны: все обряды выполнены по всем полагающимся правилам и без всякой спешки. Теперь можно пригласить приемных родителей покушать: ради такого торжественного дня сегодня был зажарен целый индюк. А это блюдо не так уж часто бывает на столе земледельца!

Выйдя из хижины на улицу, мы натываемся на огромную толпу людей. Надрываясь, все облитые потом, они тащат обвязанную толстыми крепкими веревками из волокон агавы огромную продолговатую четырехгранную глыбу камня. Приближается день завершения *катуна* — двадцатилетнего периода в календаре майя, — а завершение катуна обязательно должно быть отмечено воздвижением новой стелы.

Медленно двигается глыба на катках из толстых крепких стволов, все время подкладываемых специально следящими за этим людьми. Несколько человек спереди и сзади монолита, действуя длинными жердями, как рычагами, приподнимают его концы, чтобы облегчить движение. Немудрено, ведь глыба весит несколько тонн¹, а движет ее только сила человеческих мускулов.

Очень долго этот кусок камня отбивали в каменоломнях от скалы. Невероятные усилия нужны были, чтобы дотащить обтесанную вчерне глыбу из каменоломен до Тикаля. Сколько же труда, пота, мучений, а часто и человеческих жизней было затрачено на то, чтобы воздвигнуть все те многочисленные храмы, дворцы и другие громадные каменные сооружения, находящиеся перед нашими глазами!

¹ Самая большая из известных нам стел майя — стела Е в городе Киригуа, в Гватемале — весит 65 т. Высота ее равна 11 м.

Мы застаем стелу уже в самом конце ее долгого путешествия. Но все-таки проходит более двух часов, пока глыбу подтащут к предназначенному ей месту.

Здесь начинается новый этап работы. Монолит поднимают на большой бревенчатый помост, имеющий с одной стороны пологий, медленно поднимающийся вверх спуск, а с другой — крутой. У нижнего конца крутого спуска в земле уже вырыта большая яма для укрепления стелы, обложенная крупными плитами камня. Стела, втащенная на помост по отлогому спуску, располагается так, что один ее конец нависает над крутым спуском. При дальнейшем ее продвижении глыба начинает скользить по крутому спуску и конец ее попадает в приготовленное в земле гнездо. Затем, при помощи веревок и примитивных блоков, стелу ставят в вертикальное положение, и нижний конец ее наглухо закрепляется в гнезде, чтобы она не могла потом как-нибудь изменить свое положение.

Неподалеку от работающих над установкой стелы стоит пожилой скульптор, окруженный молодыми помощниками. Он медленно переводит задумчивый взгляд то на стелу, то на развернутый свиток, который он держит в левой руке. На бумаге искусной рукой жреца выведена та надпись, которая должна быть высечена на стеле. Сейчас скульптор обдумывает, как он изобразит на передней стороне стелы победоносного халач-виника Тикаля.

Наблюдая за установкой стелы, мы провели незаметно несколько часов. Солнце уже низко стоит над горизонтом; от пирамид на земле протянулись длинные тени. Пойдемте, побродим еще несколько часов по городу, пока светло: с наступлением сумерек на улицах не увидишь ни одной живой души. Жители Тикаля, как и других поселений майя, рано встают, но зато и рано ложатся спать.

По улицам медленно бредут возвращающиеся с работы на своих полях усталые земледельцы. Придя домой, каждый из них прежде всего примет теплую ванну: жена уже ждет его с нагретой водой, деревянным корытом и чистой одеждой. Чистоплотность — одно из самых насущных условий в жизни майя. Недаром, по старому закону, муж имеет право избить свою жену, если она не приготовит ему теплой воды для купанья ко времени его возвращения с работы.

После купанья и еды люди выходят из дома и направляются к центру города. Все уже знают, что халач-виник назначил сегодня танцы в честь возвратившегося с победой воинского отряда.

Присоединимся к одной из групп горожан и пройдем с ней на центральную площадь Тикаля. Как много собралось здесь народа! Люди плотной массой окружили танцевальную платформу — невысокую, в человеческий рост огромную насыпь, облицованную отесанными плитами камня. Бока ее скошены, и по двум из них на верхнюю площадку идут широкие лестницы. Таких танцевальных платформ в Тикале несколько.

Повелитель Тикаля, након и верховный жрец также уже находятся здесь. Они удобно расположились на верхней площадке соседней пирамиды и будут смотреть на танцы с высоты птичьего полета. Халач-виник при этом думает о своем отце, останки которого покоятся в склепе глубоко внизу, в толще пирамиды. Как он, давний враг Йашчилана, был бы рад услышать о причине сегодняшнего праздника!

Танцы у древних майя не имели того характера, который им присущ в настоящее время. Это были массовые театрализованные зрелища, в которых иногда принимали участие до восьмисот человек. Вот и сейчас на платформе находятся около двухсот юношей, неподвижно ожидаю-

щих начала танцев. Все они одеты в парадные костюмы, тела их щедро раскрашены красной, черной и синей красками, головы украшены разноцветными перьями. У одних в руках — копья, у других — длинные древки с небольшими флажками из ткани, расшитой перьями.

Но вот халач-виник на пирамиде махнул рукой. Это знак к началу танцев. Глухо раздаются удары большого деревянного барабана, вот к нему присоединяется второй, третий, четвертый..., тревожно свистят флейты..., гудят длинные трубы..., музыканты стараются изо всех сил.

Первый ряд юношей делает длинный шаг и замирает. Второй, третий и другие ряды повторяют их движения. Удары барабана становятся все более частыми и, повинувшись ритму музыки, движения танцующих также ускоряются... Вот один ряд юношей грозно наступает на другой... Секундная ожесточенная схватка и по-прежнему стройные ряды отступают к краям платформы.

Но это же не танец, скажем мы. Это скорее напоминает какие-то военные упражнения. Да, таков характер танца, называющегося *холканокот*. Недаром его танцуют только при случаях, связанных с войной.

Долго длится празднество; звуки музыки время от времени прерываются одобрительными криками зрителей. Но вот солнце, бросив прошальный луч на вершину храма IV, медленно скрывается за отрогами соседних гор. Танец кончается. Усталые участники и довольные зрители не спеша расходятся по домам, обсуждая события сегодняшнего дня.

Скоро в огромном городе все затихает: уставшие за день люди крепко спят. Только из одного здания доносятся громкие печальные крики. Что там случилось?

В этом доме сегодня утром умер один из членов семьи — долго болевший старик. Днем умерших полагается оплакивать молча, и только с наступлением темноты разрешается дать волю своим чувствам.

Медленно плывет по небу луна, освещая своим молочно-сияющим светом уснувший Тикаль. Бодрствуют на вершинах храмов-пирамид только жрецы, занимающиеся изучением небесных светил. Они внимательно наблюдают и записывают расположение планет и звезд, а завтра, пользуясь этими записями, будут делать новые вычисления для календаря.

Литература и источники

- E. M. Shook. Investigaciones arqueológicas en las ruinas de Tikal, «Antropología e Historia de Guatemala», t. 3, № 1, Guatemala, 1951; H. Berlin, El Templo de las Inscripciones VI de Tikal, Там же; «The Tikal Project», «University Museum Bulletin», v. 21, № 3, Philadelphia, 1957; W. R. Coe, Two carved lintels from Tikal, «Archaeology», v. 11, № 2, Cambridge, 1958; E. M. Shook, The Temple of the Red Stela, «Expedition», v. 1, № 1, Philadelphia, 1958; E. M. Shook, Field Directors Report: the 1956 and 1957 seasons, «Tikal reports», № 1, Museum Monographs, The University Museum (далее — T. R.), 1958; W. R. Coe and V. L. Broman, Excavations in the stela 23 group, T. R., № 2, 1958; L. Satterthwaite, The problem of abnormal stela placements at Tikal and elsewhere, T. R., № 3, 1958; L. Satterthwaite, Five newly discovered carved monuments at Tikal and new data on four others, T. R., № 4, 1958; R. Castañeda Paganini, Tikal, Guatemala, 1958; L. C. Walker, Maya graffiti as art, «Art in the South», Lafayette, 1959; L. Satterthwaite and E. K. Ralph, New radiocarbon dates and the Maya correlation problem, «American Antiquity», v. 26, № 2, Salt Lake City, 1960; E. M. Shook, Tikal Stela 29, «Expedition», v. 2, № 2, 1960; E. M. Shook and W. R. Coe, Tikal: numeration, terminology, and objectives, TR, № 5, 1961; W. R. Coe, E. M. Shook, L. Satterthwaite, The carved wooden lintels of Tikal, TR, № 6, 1961; R. E. Adams and A. S. Trik, Temple I (str. 5D—1): Post-constructional activities, TR, № 7, 1961; L. Satterthwaite, V. L. Broman, W. A. Haviland, Miscellaneous investigations: Excavation near Fragment I of Stela 17, with observations on Stela P34 and Miscellaneous Stone 25; excavation of Stela 25, Fragment 1; excavation of Stela 27; excavations of Stela 28, Fragment 1, TR, № 8, 1961; L. Satterthwaite, The